

Оба вошли во двор и, оглядев царящий вокруг кавардак, на мгновение испытали головную боль.

— Сначала давай посмотрим ткань.

Произнеся это, Гу Юй взял спутника за руку и повёл в полуразрушенную соломенную хижину. Убедившись, что набивший на канград сугроб из града почти растаял, он торопливо шагнул вперёд и откинул прижимавшие его сверху доски, а также пропитанные влагой одеяла и простыни, тотчас обнажив лежавшие в самом низу рулоны ткани.

Правда, самый верхний слой материала пропитался водой. Протянув руку, он разделил ткани:

— Мокрую нельзя оставлять надолго, её обязательно нужно выстирать и высушить, иначе материал начнёт плесневеть и гнить.

Приговаривая это, он уже уложил влажную материю в таз у стены, небрежно поднял его и произнёс:

— Ты пока прибери здесь, а я вынесу её, потру немного и повешу сушиться. Тут сильный ветер, пока закончим с вещами, всё как раз успеет обдуть. Тогда нам будет проще это с собой взять, а то слишком уж бросается в глаза.

Шэнь Цзянань кивнул:

— Хорошо.

И тут же добавил:

— Давай тогда и ватное одеяло распорото постираем! Оно насквозь сырое.

С этими словами он взялся за одеяло, и Гу Юй поспешно поставил таз, чтобы помочь. В несколько мгновений они распоролы постель, вместе отжали лишнюю воду и вынесли наружу, развесив сушиться на перекладине.

Только после этого они вместе с Шэнь Цзянанем вернулись в дом.

— Осторожнее, эта хижина того и гляди снова рухнет.

Подхватив таз, Гу Юй предупредил спутника, повернулся и вышел из ветхой постройки. Присев на корточки у родника, он отодвинул простыни и наволочки, намереваясь сначала перестирать и вывесить ткань, а уже потом разбираться с этими второстепенными вещами.

Однако не успело пройти и немного времени, как из дома донёсся звук падения какого-то тяжёлого предмета, за которым последовал испуганный возглас Шэнь Цзянаня. Решив, что в комнате что-то обрушилось и придавило его, Гу Юй со страху кубарем вкатился внутрь:

— Что случилось? Что случилось?

В этот момент парень, словно маленькое ядро из пушки, с размаху бросился вперёд и запрыгнул на него. Гу Юй на секунду замер, а затем с улыбкой обнял его руками и слегка подбросил вверх. Пользуясь моментом, юноша обвился руками вокруг его шеи и, возбужденно скаля зубы, тихо выдохнул:

— Брат Гу, мы разбогатели! Мы сказочно разбогатели!

У юноши от улыбки обнажились десны, и Гу Юй, заразившись его настроением, тоже расплылся в улыбке:

— С чего это мы разбогатели?

— Иди за мной.

Шэнь Цзянань собрался соскочить с его рук, но не тут-то было: Гу Юй держал так крепко, что пошевелиться не получалось. Глупый мальчишка от избытка чувств даже не понял, что что-то не так, и лишь легонько толкнул его:

— Брат Гу, пусти меня скорее.

Услышав это, Гу Юй с некоторым сожалением разжал руки, и юноша тут же соскользнул на землю, точно увертливый выюн. Протянув руку, он привычно переплел их пальцы и потянул за собой вглубь комнаты. Гу Юй снова возликовал, и уголки его губ взмыли высоко вверх.

— Брат Гу, смотри, смотри!

Увлекая его за собой к кану, Шэнь Цзянань указал на наполовину обрушившуюся глинобитную стену и, оглядываясь на него, радостно закричал:

— Что... это?

Проследив за его взглядом, Гу Юй увидел, как в проломе глинобитной стены, прилегающей к горе, проступают крошечные золотистые искорки, и от неожиданности широко раскрыл глаза:

— Эт-то... это...

— Это золото! Золото!!

Ухватившись за его одежду, Шэнь Цзянань взволнованно запрыгал на цыпочках:

— Брат, брат Гу! Скорее выковыривай, пока кто-нибудь не обнаружил!

— О! Хорошо.

Придя в себя, Гу Юй тихо произмолвил:

— Поди пока посторожи снаружи. Если кто-то пойдёт, подай мне знак.

Шэнь Цзянань кивнул и, упорхнув с весёлым щебетанием резвой птички, вылетел из полуразрушенной хижины. Гу Юй тем временем присел на корточки в углу, подобрал валявшуюся под рукой сухую палку и принялся быстро ковырять стену.

Вот чёрт, не копнёшь — не узнаешь, а копнул — чуть не онемел: в этой стене оказалось замуровано несколько слитков золота шириной в два пальца. Взвесив их на руке, он прикинул про себя: на вид тут наберётся больше фунта.

Вдобавок обнаружилась пара нефритовых подвесок отменного качества. Формы они были разной: одна представляла собой нефритовую пластинку с вырезанным на ней пейзажем, а вторая — пухлого малыша, обнимающего слиток-юаньбао, выглядевшего донельзя мило.

Обе подвески крепились на тёмно-серых шнурах. Гу Юй долго вертел их в руках, так и не сумев понять, из чего те сделаны. Он потянул за шнурок, но от усилия даже пальцы заболели, а порвать его так и не удалось.

— До чего же прочные?

Одержимый любопытством, он взобрался на кан, снял свой защитный кинжал и несколько раз полоснул по шнуру, но тот не получил ни малейшего повреждения. Сердце помимо воли затрепетало от волнения: такую прекрасную вещь непременно нужно оставить для Шэнь Цзянаня.

Оставив подвески в стороне, он вновь взялся за кинжал и продолжил раскапывать стену, желая проверить, не спрятано ли внутри чего ещё.

Гу Юй предполагал, что эти слитки золота и нефритовые украшения — последнее достояние семьи того самого помещика по фамилии Чэн. Видимо, хозяин рассчитывал использовать их, чтобы возродить былое величие, а потому и спрятал здесь всеми правдами и неправдами.

Только вот в своё время его затравили слишком жестоко, и многие члены семьи в бесконечных бандюгах-проработках закончили жизнь с обидой в сердце.

А он сам мог лишь смотреть со стороны на происходящее, будучи не в силах ничего изменить. Чувствуя, что впереди лишь тупик и мрак, они вместе с оставшимися родными покончили с собой столь радикальным способом, выразив так свой гнев и недовольство, а заодно устранив остальных настолько, что люди из бригады боялись даже приближаться к этому месту.

Однако соломенная хижина давно обветшала и прогнила, а вчерашний град довершил дело разрушения, не вынеся удара стихии и сложившись карточным домиком, что в итоге сыграло на руку им двоим.

Провозившись около сорока минут и превратив почти всю глинобитную стену в груды грязи, Гу Юй больше ничего не нашёл и, прекратив работу, подобрал нефритовые подвески и слитки.

Глядя на сокровища в ладони, Гу Юй преисполнился глубоких чувств и не удержался от слов:

— Раз уж мы двое забрали эти вещи, значит, приняли на себя долг семьи Чэн.

Он сделал короткую паузу и продолжил:

— Добиться реабилитации семьи Чэн мы, пожалуй, не сможем. Но стоит нам лишь вернуться в город, мы обязательно подыщем прекрасное по всем правилам фэншуй место и воздвигнем для вас кенотафы. Отныне ни в один праздник, ни в один памятный день мы не забудем прийти на могилы и воздать вам почести.

У-у-у...

Едва замолкли его слова, как по комнате вдруг пронёсся зловеющий порыв ветра. Зрачки Гу Юя сузились, сердце забилося птицей в груди, и он торопливо поднялся на ноги. Ему показалось, будто несколько ледяных дуновений легко-легко скользнули по его телу и мгновенно растаяли в воздухе.

Поражённый, он замер на месте, после чего с лёгкой улыбкой обвёл взглядом комнату и торжественно произнёс слова благодарности. Лишь после этого он решительно подбежал и развалил ударами ног остатки разбитой стены — опасаясь, что во время ремонта дома это привлечет лишнее внимание.

Закончив с этим, он подобрал найденные ценности и быстрым шагом вышел из ветхой постройки. Увидев, что Шэнь Цзянань уже закончил стирать ткань и теперь развешивает её, Гу Юй направился напрямик к роднику, опустил всё найденное в воду небольшого пруда под ним и принялся торопливо отмывать.

Услышав всплески, парень обернулся и сразу заметил сверкающее в его руках золото. Взмолванный, он поспешно доразвесил оставшуюся материю, подхватил таз и подбежал ближе, присев на корточки рядом:

— Это же целое состояние стоит?!

— Угу, это всё твоя заслуга.

Улыбнувшись, Гу Юй ответил и бросил взгляд на юношу. Заметив, что тот уже несколько раз украдкой покосился на подвеску с малышом-юаньбао, он понял, что вещица пришлась тому по душе, и уголки его глаз согнулись ещё мягче:

— Знал ведь, что тебе понравится, оставь себе, будешь носить!

— Хи-хи! Хорошо.

Шэнь Цзянань радостно кивнул:

— Оба оставим: тебе одно, мне одно.

С этими словами он выловил из воды нефритовые украшения, ополоснул их, протёр краем одежды и тут же торопливо повесил пейзажную пластинку на шею спутнику.

Гу Юй протянул руку, обхватил нефрит пальцами и принялся внимательно рассматривать его, переполненный тихой радостью. Ведь это подарок от Цзянаня! Счастливый, он поднял голову и увидел, что юноша как раз надевает свою подвеску.

Его взгляд чуть смягчился, и он небрежным тоном произнёс:

— Давай помогу надеть.

С этими словами он слегка подался вперёд, естественно перехватив подвеску из пальцев Шэнь Цзянаня, распустил скользящий узел на шнурке и опустил украшение на белую изящную шейку, отрегулировав длину так, как надо, после чего отпустил шнур и отпрянул назад.

Как назло, в этот момент подушечка его мизинца случайно скользнула по боку шеи парня, отчего того мгновенно проняло щекоткой, и он звонко рассмеялся:

— Брат Гу, щекотно...

Подняв глаза, он тут же встретился взглядом с глубокими тёмными глазами напротив. В груди

Шэнь Цзянаня внезапно шевельнулось робкое смущение, и, запоздало вспомнив, как он запрыгнул тому на руки при виде золота, он залился ещё более ярким румянцем.

С чего это он тогда вообще так поступил? Юноша виновато опустил голову, не догадываясь, что покрасневшие кончики ушей уже давным-давно выдали его с головой.

Гу Юй потёр пальцы, а уголки его губ сами собой поползли вверх:

— Давай скорее прибираться, пока кто-нибудь не пришёл.

С этими словами он выловил слитки из воды и унёс их в дом. Шэнь Цзянань, оставшись один, с облегчением выдохнул, торопливо похлопал себя по пылающим щекам, поднялся на ноги и последовал за ним.

Помимо скаток постелей, одежды и вороха тканей, у них остался лишь старый дырявый котёл из кухни, несколько надбитых пиал да жалкие остатки дров, крупы и масла.

Сложив сухие ткани в аккуратный сверток, они завернули их в простыню, крепко перевязали верёвкой и временно оставили в стороне, после чего принялись за котлы и плошки. К тому моменту, как они закончили, всё, кроме наволочек, натянутых на сушку, успело полностью просохнуть.

Сняв ту ткань и скатав её в ещё один узел, они взвалили по узелку на каждого и отправились в дом Чжао Хунцзюня, чтобы отнести вещи туда.

Когда они прибыли на место, Ли Шулань и её золовка Сюй Сяомэй как раз сгребали мусор вместе с детьми, а старейшина Чжао со старшим внуком Чжао Чэнцаем и вторым сыном Чжао Цзяньшэ возились на крыше, латая черепицу.

Град изрядно потрепал крышу семьи Чжао, превратив даже большое дерево во дворе в голый обрубок без единого зеленого листочка. Не пощадило стихию и курятник в углу, и молодую рассаду.

Заметив их приближение, все домочадцы наперебой приветливо закричали:

— Шэнь-чжицин / братец Цзянань, Гу-чжицин / братец пришли?!

Оба с улыбкой отозвались:

— Да! Мы пришли.

— Проходите скорее, бросайте ношу и переведите дух.

Ли Шулань похлопала по голове младшего сына Чжао Сяофэна:

— Проводи-ка старших братьев в дом, пусть оставят вещи.

— Знаю, мама.

Широко улыбаясь и склонив голову набок, Чжао Сяофэн позвал:

— Братец Цзянань, братец Гу, идите за мной.

Он подбежал к узкой двери рядом с боковой комнатой, остановился и, встав на цыпочки, снял с двери висячий замок, положив его на столик у стены. После чего с виноватым видом отступил в сторону, освобождая проход:

— Братья, раньше здесь жили мы с сестрой, тут немного тесно.

— Ничего страшного.

Они с улыбкой отмахнулись и шагнули внутрь. Комната действительно оказалась крошечной — стоило им зайти со своим скарбом, как едва удавалось повернуться. Однако внутри царил идеальный порядок.

Кроме того, на столе стояла маленькая керосиновая лампа, лежало несколько книжек-комиксов и пара жестяных машинок размером со спичечный коробок.

Было очевидно, что Чжао Хунцзюнь и Ли Шулань души не чают в детях: иначе стали бы они, при столь скудном благосостоянии семьи, тратить на подобные вещи для них?

Оставив узлы на кровати, оба один за другим вышли во дворец. Вещи на горе ещё не перевезли до конца, и им предстояло сделать ещё один ход. Догадавшись о чём речь, Ли Шулань разрешила младшему сыну пойти с ними, чтобы помочь донести что-нибудь полегче.

Чжао Сяофэн был только рад и согласился без раздумий: сейчас он просто обожал обоих старших братьев. Мало того что писанные красавцы, так ещё и спасители его с сестрой жизни.

По дороге малыш снял висевший на шее ключ и протянул Шэнь Цзянаню:

— Братец, это от комнаты. Второй ключ у мамы, она забрала его, боясь, что мы с сестрой потеряем, но на обратном пути я попрошу её отдать вам.

— Не нужно.

Шэнь Цзянань с улыбкой принял ключ:

— Мы всё равно везде ходим вместе, этого вполне хватит.

— Точно, мы вместе, одного ключа хватит.

Уголки губ Гу Юя взметнулись до предела: ему безумно нравилось, когда Цзянань говорил о них как о едином целом. Услышав это, Чжао Сяофэн больше не стал настаивать:

— Ну ладно тогда!

Разговаривая, они дошли до подножия горы. Видя, как мал мальчишка, Шэнь Цзянань опасался, как бы тот не споткнулся о поваленные градом ветки и мусор, и велел ему подождать внизу.

Чжао Сяофэн сначала хотел отказаться, но испугался расстроить старшего брата и послушно кивнул. Тогда они со спокойной душой поднялись на гору и забрали оставшийся скарб.

Вещей набралось немного, но они были объёмными и неудобными для переноски. Поразмыслив, Гу Юй попросил ребёнка помочь донести две эмалированные кружки и ещё не высохшие наволочки.

Сам же он вместе с Шэнь Цзянанем взвалил по узелков за плечи, подхватил дырявый железный котёл с остатками провизии и утварью, и они вместе двинулись обратно к усадьбе Чжао.

Едва они перешагнули порог двора, следом за ними в ворота вошёл Чжао Хунцзюнь. Шэнь Цзянань поинтересовался у него, как обстоят дела с решением проблемы:

— Бригадир уже поднялся в волость докладывать. В таком положении наверху не смогут оставить всё как есть, осталось только дожидаться указаний о том, как именно будут помогать.

Тяжело вздохнув, он помрачнел:

— Этот град ударил не по нам одним!

На лицах обоих тотчас проступила тревога: если зона бедствия окажется обширной, то следующий год выдастся еще тяжелее.

— Ладно, не будем об этом.

Заметив мрачные лица парней, Чжао Хунцзюнь решил сменить тему, чтобы не портить людям настроение попусту. Всё равно все вопросы решатся только тогда, когда сверху кто-то придет, а суетой делу не поможешь:

— Раз уж живете у меня, не затевайте свою стряпню, будете есть со всеми из общего котла.

Поразмыслив, те сошлись во мнении, что готовить отдельно в чужом доме действительно неудобно, так и до обид недалеко, а потому согласились на предложение:

— Тогда вы должны брать с нас плату за еду, иначе мы оставаться не станем.

Видя, сколь непреклонны оба в своем решении, Чжао Хунцзюнь понял, что спорить бесполезно, и дал согласие.

Изначально он надеялся воспользоваться случаем и отблагодарить парней от души, но у них в семье все трапезничали за одним столом. Он-то был обязан Шэнь Цзянаню и Гу Юю жизнью, а вот его младший брат — нет. Если бы с них не брали денег, со временем у младшего брата и невестки Сюй Сяомэй могли возникнуть ненужные мысли.

Поэтому он просто согласился на их условие, решив подыскать подходящий момент в будущем, чтобы отплатить за добро.

Шэнь Цзянань с Гу Юем прекрасно это понимали, а потому и стояли на своем. К тому же спасали людей они по зову сердца, а вовсе не ради награды.

Стоило Чжао Хунцзюню кивнуть, как Шэнь Цзянань на глазах у всех домашних достал пять юаней и протянул ему.

Правда, Чжао Хунцзюнь взял не всё, забрав лишь три юаня со словами «потом пересчитаем, если что — вернем», а затем добавил:

— В ближайшие дни в поле делать нечего, все будут заняты ремонтом домов. Вы уж займитесь своими делами побыстрее, а то потом, когда начнется страда, отгул взять будет трудно.

У парней тут же созрел план: они ответили, что сначала помогут починить крышу семье Чжао, а уже потом займутся своими делами. Чжао Хунцзюнь решительно отказался:

— Подумаешь, починить крышу — велика ли забота! Ступайте куда собирались. А ту хижину на горе я, как выдастся свободное время, помогу вам подлатать с парой мужиков.

Услышав это, Шэнь Цзянань радостно поблагодарил его:

— Большое спасибо вам, товарищ бригадир!

— Ой, полно тебе звать меня бригадиром, — махнул рукой с досадой Чжао Хунцзюнь, карабкаясь по лестнице наверх. — Зовите отныне дядей Чжао!

Переглянувшись, оба согласно закивали:

— Хорошо, дядя Чжао!

После этого они развесили на перекладине в углу двора принесенные Чжао Сяофэном наволочки и вату, отнесли остальное в комнату и, выбежав со двора, быстрой рысью направились к коровнику.

До этого они погорячились, предлагая помощь семье Чжао из чувства неловкости, но на самом деле страшно переживали за стариков и давно рвались навестить их.

Просто те рулоны ткани сильно бросались в глаза, и они боялись излишнего внимания, поэтому и побежали сначала прятать добро, а потом случайно обнаружили золото и задержались.

Стоило им приблизиться, как издалека стало видно: коровник разнесло в щепки, и несколько активистов под руководством кадров вовсю занимались восстановительными работами.

Трех крупных свиней, которых откармливала бригада, привязали веревками к большому дереву неподалеку, и те заливались визгом явно со страху.

Что же касается стариков, они сушили вещи на площадке перед коровником и выглядели хоть и потрепанными, но целыми и невредимыми.

Гу Юй с облегчением выдохнул и потащил Шэнь Цзянаня назад. Не то чтобы он был бессердечен, просто местные начальники не отличались простотой нрава, как дядя Чжао или Чжао Ган.

У них со стариками особое положение, и пояись они там сейчас — тут же поползли бы сплетни. Ради общего блага лучше подождать, пока все разойдётся, и навестить их позже.

Отойдя от коровника, они свернули к дому Чэн Ху. Его усадьба располагалась на другом краю пахотных полей и состояла из четырех просторных комнат под черепичной крышей — редкая роскошь по деревенским меркам.

Вот только позже старик Чэн умер, сам он охромел, да еще и при целенаправленной травле со стороны Чжао Цзяньчэна и притеснениях сородичей жить стало много труднее.

— Товарищ Гу / братец Гу Юй! Товарищ Шэнь!

Услышав оклик, Шэнь Цзянань поднял глаза и увидел семью Чэн, махавших им рукой от усадебной загородки. А их сынишка всю горланил, восторженно подпрыгивая:

— Братец Гу!

— Эй! — отозвался Гу Юй, быстрым шагом приблизился и ласково потрепал мальчика по макушке. — Как успехи в учебе? Всё дается или есть то, чего не понимаешь?

Мальчик замотал головой и с гордым видом отрапортовал:

— Всё понимаю, всё могу!

— Вот молодец...

Наблюдая за их возней, Шэнь Цзянань испытывал некоторое удивление: он никак не ожидал, что у Гу Юя с семьей Чэн сложатся столь теплые отношения.

Погодите-ка... Лицо юноши слегка омрачилось, когда в памяти всплыл сюжет оригинального романа: вскоре после того, как Гу Юя бросили в тюрьму, Чэн Ху якобы застрелили бойцы народного ополчения при попытке оказать сопротивление за кражу общественного зерна.

А человеком, убившим его, оказался дядя Чжао Цзяньго — Цинь Гуанто. Спустя считанные дни после этого десятилетний сын Чэн Ху, Чэн Гуан, бесследно пропал. Когда тело обнаружили, от него осталась лишь половина лица, по которой едва удалось опознать ребенка.

По злой иронии судьбы, труп Чэн Гуана нашли люди под предводительством Чжао Цзяньго, который лично подобрал его и привез в деревню. Жена Чэн Ху, Сян Хайянь, не вынеся череды обрушившихся ударов, в тот же день бросилась в реку. Проявив милосердие к сиротам, Чжао Цзяньго за свой счет поставил им могилы.

Шэнь Цзянань ни на секунду не верил, что эгоистичный тип без всяких моральных принципов вдруг проявит великодушие и благородство. Тем более что к смерти старика Чэна Чжао Цзяньчэн имел самое непосредственное отношение.

Вывод напрашивался один: Чэн Ху наверняка узнал какой-то грязный секрет Чжао Цзяньго, попытался выболтать его, но попался.

А Чжао Цзяньго, желая замести следы, устроил ловушку и устранил Чэн Ху. Что же до Чэн Гуана, то тот, скорее всего, тоже случайно стал свидетелем чего-то лишнего, за что и был убит на горе.

Чем дольше размышлял Шэнь Цзянань, тем сильнее убеждался в правоте своей догадки, мысленно щедро поливая бранью автора новеллы. Семья Чэн — честные, добрые люди, как у автора рука поднялась выписать их судьбы столь трагично, неужто возмездия не боялись!

А этот Чжао Цзяньго — безнравственный, жестокий и безжалостный негодяй — с какой стати он главный герой?!

Да такому уроду век куковать в одиночестве, пусть покроется язвами с головы до ног, сгниет с пят до макушки и обзаведется бесплодным отродьем... #@&...

Закончив здороваться, Гу Юй услышал бормотание стоявшего рядом юноши и, заметив его меняющееся в худшую сторону лицо, с недоумением спросил:

— Цзянань, в чем дело? Кто тебя разозлил?

Не сдержав гнева, юноша выпалил:

— Да кто ещё, кроме этого ублюдка Чжао Цзяньго?!

Подняв глаза, он тут же столкнулся взглядами с тремя взрослыми и одним ребенком, которые уставились на него с крайним изумлением. Сообразив, в какую неловкую ситуацию попал, он уже собирался оправдаться, но маленький Чэн Гуан опередил его:

— Братец, я тоже не люблю Чжао Цзяньго. Он такой противный.

— Не болтай ерунды.

Сян Хайянь торопливо зажала сыну рот ладонью, бросив испуганный взгляд на хромую ногу мужа:

— Накличешь беду, понимаешь?

Лицо Чэн Гуана побледнело, он посмотрел на бесстрастного отца, и в его глазах отчетливо проступило раскаяние:

— Понимаю.

После этого он отстранил руку матери и примирительно ухватил Чэн Ху за палец:

— Папа, давай позовем старших братьев в дом!

— Хорошо.

Понимая, что мальчик просто опасался ранить его чувства, Чэн Ху растянул губы в улыбке и пригласил Гу Юя с Шэнь Цзянанем войти, после чего велел Сян Хайянь наглухо закрыть ворота — о ремонте крыши теперь не было и речи.

<http://bllate.org/book/22418/2353684>